

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИТЕТА В ТЕКСТАХ М. ЦВЕТАЕВОЙ

С. А. Губанов

АНО ВО Университет «МИР»

Поступила в редакцию 31 января 2022 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема способов выражения эпитета в текстах М. Цветаевой. Анализируются окказиональные формы адъективных слов в роли эпитетов, отражающих особенности творческого поиска поэта и формирующих специфику его идиолекта. Отмечается, что работа М. Цветаевой с атрибутивной лексикой является важным этапом создания образа и демонстрирует языковую рефлексию и внимание поэта к мельчайшим оттенкам значения слова.

Ключевые слова: эпитет, Марина Цветаева, идиостиль, идиолект, метафора, метонимия.

Summary: the article deals with the problem of ways of expressing the epithet in the texts of M. Tsvetaeva. Occasional forms of adjectival words are analyzed as epithets, reflecting the features of the poet's creative search and forming the specifics of his idiolect. It is noted that the work of M. Tsvetaeva with attributive vocabulary is an important stage in the creation of an image and demonstrates linguistic reflection and the poet's attention to the smallest shades of the word's meaning.

Keywords: epithet, Marina Tsvetaeva, idiostyle, idiolect, metaphor, metonymy.

Эпитет традиционно относится к элементарным тропам. Несмотря на многочисленные исследования данного средства языковой выразительности со стилистической [1], структурной [2], когнитивной [3, 4] и других точек зрения, остается немало вопросов относительно его дефиниции, признаков, типологии. Стилистический взгляд на природу эпитета подразумевает рассмотрение эффекта данного тропа, который он оказывает на поэтический контекст, его роли в организации художественного высказывания, особенностей функционирования в качестве характеризующего атрибутивного средства. Зачастую выделяются сквозные (лейтмотивные) эпитеты для языка того или иного писателя или поэта; в последнее время можно встретить термин «мегаэпитет», обозначающий эпитетное слово, номинирующее ряд однородных по семантике определений объекта эпитетации в рамках текста, нескольких текстов или дискурса. Е. Ф. Киров вводит понятие дискурсема, ряда однотипных элементов, повторяющихся в текстах дискурса или нескольких дискурсов, а поскольку эпитет, по его мнению, легко понять и считать, то выделить дискурсема не составляет труда [5, 95].

Говоря о природе эпитета, нельзя обойти вопросы его типологии, структурных и семантических особенностей. Как показывают многие исследования, здесь также не наблюдается единства взглядов: типы простых, сложных и составных эпитетов представлены очень разнородно [2].

Вышеперечисленные проблемы в эпитетологии можно, по нашему убеждению, решить в ходе многоаспектного анализа системы эпитетов в текстах одного художника слова: это даст системную картину языковой репрезентации данного тропа, позволит установить связь с мировоззрением автора, его эстетическими предпочтениями. Далее возможно сравнение систем эпитетов нескольких авторов с целью выявления идиостилевых особенностей эпитетных слов.

Под эпитетом в работе будем понимать любое слово признаковой семантики, содержащее оценочный, образный или эмоционально-экспрессивный компоненты значения. В некоторых работах предлагают такие терминологические обозначения, как «эпитетонид» [6], «квазиэпитет» и другие. На наш взгляд, они уводят от сути явления и не раскрывают специфики эпитета, а лишь усложняют терминологию.

Изучение языка текстов М. Цветаевой имеет давнюю историю; накоплено много ценных выводов, установлены закономерности языкового варьирования и образного словоупотребления [7, 8]. Эпитет также становился объектом анализа ученых, тем не менее остается немало проблемных участков [3, 4].

Целью работы является анализ особенностей образования и подбора эпитетов адъективного типа в текстах М. Цветаевой. Методом сплошной выборки было выявлено 257 единиц окказиональных форм эпитетов, выраженных качественными (выбирались прилагательные только в сравнительной и превос-

ходной степени, поскольку они чаще представлены нетривиальными словоформами), относительными и притяжательными прилагательными.

В рамках данной статьи остановимся на нетипичных, окказиональных формах выражения эпитета адъективными словами. К таковым относим следующие:

1) эпитеты, выраженные адъективными словами в сравнительной степени;

2) эпитеты, выраженные адъективными словами в превосходной степени;

3) эпитеты, выраженные относительными адъективными словами;

4) эпитеты, выраженные притяжательными адъективными словами.

1. Эпитеты, выраженные адъективными словами в сравнительной степени.

Прилагательные в форме сравнительной степени в роли эпитета делятся нами на два подтипа:

а) первый подтип включает в себя качественные адъективы в сравнительной степени, их окказиональный смысл заключен в необычной сочетаемости с объектом эпитетации, в несвойственности объекту данного признака:

Насколько лес добрее моря... [9, т. 7, 340]; *Горы — редей темени...* [9, т. 2, 330]; *Море — седей времени* [9, т. 2, 330].

Так, при существовании в языке прилагательного *добрый* и формы *добрее* в рассматриваемом контексте наблюдается окказиональная форма *добрее* не за счет своей формы (образована она верно, по законам языка), а содержания и сочетаемости: лес персонифицируется и становится добрее моря. В других случаях перед нами также метафоризация природных объектов по линии олицетворения, выраженная признаковыми словами в сравнительной степени. Отметим, что данная черта, антропоморфизация признаковой образной лексики, является идиостилевой для М. Цветаевой.

б) второй подтип включает в себя адъективы в сравнительной степени, которые приобрели ее в данном контексте, т.е. получили таким образом «качественность»; они представляют собой окказиональные прилагательные, употребленные в сравнительной степени («окказиональность в квадрате»):

Любят — думаете? Нет, рубят / Так! Нет — губят! Нет — жилы рвут! / О, как мало и плохо любят! / Любят, рубят — единый звук! Мертвенный! / И сие любовью Величаете? Мышц игра — / И не боле! Бревна дубовой / И топорнее топора [9, т. 3, 614]; *Снеговее скатерти, Мертвец — весь сказ! / Вся-то кровь до капельки / К губам собралась!* [9, т. 3, 197]; *(Тишаю, дичаю, волчею... / Как мне все-равны, все-равна, / Волчонка — еще поволчей)* [9, т. 2, 328].

Поэт изобретает такие эпитеты, как *топорный* (в ином значении, нежели в языковом узусе: «сильный, массивный»), *снеговой* («очень белый»; в ином

значении по сравнению с «относящийся к снегу»: напр., *снеговой покров*), а также форму сравнительной степени от прилагательного *волчий* — *поволчее*. Все формы выполняют функцию выражения интенсивного признака, сильного его проявления, поэтому условно относятся к разряду сравнительной степени, а ближе, скорее, к превосходной.

2. Эпитеты, выраженные адъективными словами в превосходной степени.

Практически всегда выражение крайней степени проявления признака средствами эпитета-прилагательного в превосходной степени построено на авторских синтаксических смещениях слов в составе фразы или параллелизме сопоставляемых объектов, игре словоформ:

— зеркально отражаются два эпитета и определяемых слова:

С тобой, нелепейшая роскошь, Роскошная нелепость! — страсть! [9, т. 1, 371];

— объединяются несколько эпитетов в превосходной степени с целью противопоставления крайних форм выражения признака объекта:

Чужая кровь — желаннейшая и чуждейшая из всех [9, т. 2, 220];

— употребляются параллельные конструкции с образованными по одной словообразовательной модели эпитетами в превосходной степени при разных определяемых словах:

На заре — наимедленнейшая кровь / На заре — наивяственнейшая тишь [9, т. 2, 98];

— нагнетаются эпитеты в превосходной степени, к которым присоединяется авторский комментарий или уточнение-возглас:

Для поэта самый страшный, самый злостный (и самый почетный!) враг — видимое [9, т. 5, 284];

— грамматически разрывается форма превосходной степени адъектива:

Роднее бывшее — всего [9, т. 2, 316];

— тавтологический эпитет:

Чтоб и в самом сонном сне / Тебя не вспомнил [9, т. 3, 299].

При таком разнообразии грамматического оформления форм превосходной степени прилагательных объединяющим фактором выступает желание М. Цветаевой как можно сильнее и заметнее акцентировать внимание на признаке, силе его проявления, интенсивности — так эпитет становится центром поэтического высказывания.

3. Эпитеты, выраженные относительными адъективными словами.

При использовании в качестве эпитетов слов изначально некачественной семантики происходит их «окачествование»: о них уже нельзя сказать, что они являются, например, относительными адъективами. Расширение, обновление семантики относительных прилагательных предполагает их окказиональное контекстуальное употребление:

Огнестрельная воля бдит [9, т. 3, 127] (образное осмысление абстрактного имени); *Цыганская страсть разлуки! / Чуть встретишь — уж рвёшься прочь!* [9, т. 1, 247]; ... *мандаринные улыбки...* [9, т. 3, 222] *Торопится красным гоном / Мой конный сон* [9, т. 3, 20]; *Есть времена — железные — для всех* [9, т. 1, 393]; *Накрапывает колокольный дождь* [9, т. 1, 271].

Только контекстуально можно понять значение эпитета: *колокольный* — «капающий, напоминающий звук колокола»; *мандаринные* — «благодарные за подаренные мандарины»; *конный* — «сон, в котором видится конь, происходит погоня» и т.д.

Абсолютно безобразные словоупотребления начинают приобретать новые оттенки значения и превращаться в образные, живые: *рельсовая режущая синь* (само слово *рельсовый* близко к термину, неэтическое и малоупотребительное, но приобретает в контексте семантику дороги, горизонта, уходящего в небо).

4. Эпитеты, выраженные притяжательными адъективными словами.

Очень активно М. Цветаева употребляет притяжательные адъективы, особенно в разговорной, просторечной форме с суффиксами *-ей*, *-ов* или *-ев*, *-ын/-ин*. Это касается как фольклорных поэм, где требуется стилизация, так и поэтических текстов, в которых нужно указать на принадлежность, чаще лицу или божеству. Возникают необычные формы: *Ариадний, Артемидин, Георгиев, Вахков* и др.

Она томилась лаской Вахковой... [9, т. 2, 186]; *Дабы ты меня не слушал / В ночь — в премудрости старушкой: / Скрытничестве — укреплюсь.* [9, т. 2, 122]; *Довольно царицыны недра / Порочить...* [9, т. 2, 171]; *Когда ж опять на грудь твою ступлю / Заносчивой пятою амазоньей* [9, т. 2, 43].

Помимо антропонимических эпитетов, поэт конструирует окказиональные притяжательные эпитеты от названий артефактов. В приводимом ниже примере он образован от слова *рапсодия*:

Ночь — твой рапсодов плащ [9, т. 2, 236] (в ночи звуки рапсодии, окутывающие слух).

Необычные способы выражения признака входят свое выражение не только в поэтическом, но и в прозаическом творчестве М. Цветаевой, о чем нужно говорить отдельно.

Подведем итоги. Как было видно из анализа языкового материала, способы выражения эпитета в тек-

стах М. Цветаевой окказиональны как по форме, так и по семантике. Поэта привлекает языковая рефлексия, он пытается осмыслить и пережить события, пропуская их через свое, ни на кого не похожее мировоззрение. Признаковые слова, выраженные эпитетами, передают неограниченный спектр необходимых автору значений, являются сферой приложения неповторимого творческого почерка. На материале форм степеней сравнения прилагательных, а также относительных и притяжательных адъективов были выявлены окказиональные формы эпитетов, установлена их частотность в текстах поэта, нетривиальность семантики и подчеркнута важная роль для актуализации признака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М.: Высшая школа, 1989. — 406 с.
2. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном пространстве русского языка / Т. М. Фадеева. — М., 2014. — 349 с.
3. Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы: Монография / С. А. Губанов. — Самара: ООО ПД «ДСМ», 2016. — 144 с.
4. Губанов С. А. Языковая рефлексия в творчестве Марины Цветаевой: признаковая лексика / С. А. Губанов // Теория языка и межкультурная коммуникация. — 2021. — № 3 (42). — С. 33–41. — Режим доступа: <https://tl-ic.kursksu.ru> (Дата обращения: 30.01.2022).
5. Киров Е. Ф. Дискурсема и мегаэпитет в дискурсологии / Е. Ф. Киров // Казанская наука. — 2019. — № 3. — С. 93–95.
6. Булахова Н. П., Сквородников А. П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике) / Н. П. Булахова, А. П. Сквородников // Экология языка и коммуникативная практика. — 2017. — № 2 (9). — С. 122–143.
7. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. — Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1989. — 264 с.
8. Ревзина О. Г. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой / О. Г. Ревзина // Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996. — Т. I. — С. 5–40.
9. Цветаева М. И. Собрание сочинений: в 7 томах / М. И. Цветаева. — М.: Эллис-Лак, 1994–1995.

АНО ВО Университет «МИР»

Губанов С. А, кандидат филологических наук, доцент

E-mail: gubanov5@rambler.ru

International Market Institute

Gubanov S. A., Candidate of Philology, Assistant professor

E-mail: gubanov5@rambler.ru